

СОВРЕМЕННАЯ ЕВРОПА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕРЕС РОССИИ

Т.В. Бордачёв, А.В. Казакова
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-21-35

Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ)

Европейская интеграция – высшее достижение культуры политического компромисса и решения сложнейших вопросов без использования военной силы. Уникальный формат организации политического процесса позволил обеспечить экономическое процветание и рост благосостояния гражданам европейских стран. Однако на современном этапе Европейский союз (ЕС) переживает ряд кризисных явлений политического, экономического и идейно-интеллектуального характера, заставляющих задуматься о переосмыслении концепции проекта «европейского общего дома». Неизбежно встаёт вопрос о соотношении роли институтов в процессе интеграции как независимых посредников, получающих от государств часть суверенитета, и непосредственно национального уровня, межгосударственного взаимодействия в решении возникших проблем.

Такая ситуация создаёт вызовы и для России, для которой не существует возможности просто отгородиться от Европы институционально или мировоззренчески. Европа была, есть и будет частью российского национального интереса – в качестве либо угрозы, либо фактора, способствующего развитию и процветанию. В этой связи авторы статьи задаются вопросом о том, каким может быть обновлённый концепт европейской интеграции с учётом нынешних кризисов, и, соответственно, как в этом отношении будет развиваться внешнеполитическая стратегия России. Используя в качестве теоретико-методологической базы исторический институционализм, авторы приходят к выводу о существовании сдерживающего фактора европейских институтов, когда ранее сделанный институциональный выбор устанавливает границы для поведения национальных государств. Это, в свою очередь, как гарантирует устойчивость институциональной структуры, так и препятствует необходимой трансформации концептуальной составляющей европейской интеграции. И решение проблемы заключается в необходимости обновления существующего политического, экономического и идейно-интеллектуального концепта европейской интеграции.

Ключевые слова: ЕС, отношения ЕС и России, европейская интеграция, Брекзит.

УДК 327; 339.924

Поступила в редакцию 07.11.2016 г.

Принята к публикации 08.02.2017 г.

Отправной точкой любого разговора об отношениях России и Европы неизбежно становится то, что русские – это самый многочисленный европейский народ. И уже в силу самого этого факта претендующий на особую роль в региональных делах. И останется таким в перспективе ближайших 30-50 лет. Это неизбежно обуславливает для России важность происходящих в остальной Европе процессов и невозможность просто отгородиться от Европы институционально или мировоззренчески. Сейчас в России постепенно формируется разделяемое властью и населением понимание того, что в ближайшей перспективе наше будущее не вместе, но рядом. Однако Европа была, есть и будет частью российского национального интереса – в качестве либо угрозы, либо фактора, способствующего развитию и процветанию.

Кроме того, Россия явным образом должна соответствовать своей потенциальной роли посредника между Европой и восточной частью Евразии, содействовать усилению здесь прямого континентального взаимодействия. Это предполагает широкую вовлечённость в европейские дела, укрепление экономического сотрудничества и человеческих контактов со странами входящими или не входящими в Европейский союз. Тем более, что в самой Европе разворачиваются процессы, которые в России не могут не вызывать если не озабоченности, то сильного интереса. Центральное место в этих процессах занимают запущенная кризисом зоны евро и выходом Великобритании трансформация Европейского союза – главного института-посредника во взаимодействии народов Европы и их социальных организаций. Тем более что именно существование ЕС (и его предыдущих правовых форм) смогло обеспечить 60 лет мира и спокойствия к западу от российских рубежей [16, с. 10].

Европейская интеграция – высшее достижение культуры политического компромисса и решения сложнейших вопросов без использования военной силы [3, с. 188]. Она позволила создать уникальный в человеческой истории прецедент добровольного отказа значительной группы государств от части суверенитета. Изначально политической задачей интеграции было поместить Германию и Францию в такой формат отношений и обязательств, который сделал бы войну между ними невозможной. Решение [1, с. 7] было найдено в виде фактического объединения основных на то время «индустрий войны» – рынков угля и стали. В итоге создание наднационального контроля предотвращало вероятность того, что одна из сторон вновь может начать готовиться к войне.

Однако несмотря на формируемую в течение нескольких лет структуру институционального и межгосударственного взаимодействия, ЕС переживает сразу несколько кризисных явлений, заставляющих задуматься о переосмыслении концепции проекта «европейского общего дома». Неизбежно встаёт вопрос о соотношении роли институтов в процессе интеграции как независимых агентов и посредников, получающих часть суверенитета от государств, и непосредственно национального уровня и межгосударственного взаимодействия в решении возникших проблем и функционировании ЕС вообще.

В итоге исследуемая проблема заключается в том, что ЕС не справляется с существующими кризисами, и, следовательно, не способен отыскать эффективные механизмы для того, чтобы функционировать в качественно новых условиях. Необходим «обновлённый» концепт функционирования европейской интеграции, способный учесть проблемы как внутреннего институционального порядка, так и вызовы внешней среды.

Проблематике кризисных явлений Евросоюза большое внимание уделяет ряд отечественных и европейских исследователей. Т. Романова выделяет «пять болевых точек ЕС», среди которых кризисы внутривластного лидерства и солидарности, стабильности единой валюты и экономического роста, нормативного лидерства, иммиграции и террористической угрозы и, наконец, легитимности [23, с. 2]. В свою очередь Н. Кавешников, выдвигает четыре возможных сценария развития европейской интеграции [16, с. 8-9], из которых наиболее вероятным оказывается, по мнению исследователя, сочетание стратегии консолидации и гибкой интеграции. Интересно, что оба автора, как Т. Бордачёв в статье «Россия и «Берлинско-Вашингтонский» порядок в Европе» [2] предвещают возвышение и лидерство Германии, способной определять политику еврозоны и всего ЕС.

В публикациях зарубежных исследователей акцент сделан на исследовании причин кризиса с точки зрения, прежде всего, теории. Так, Ю. Хабермас в недавно опубликованной работе [11] объясняет попытки образовать федерацию из сообщества европейских государств ошибкой при помощи конструктивистской логики. По мнению автора, решение сегодняшних проблем кроется в необходимости существенно демократизировать процесс принятия решения и изменить собственное восприятие «себя» – не как международной организации с чёткими и строгими правилами, а как «космополитического сообщества», где институты не создают препятствия «обновлению» ЕС, а, наоборот, всячески ему способствуют.

С этой точки зрения, авторы статьи также считают, что во многом неспособность еврочиновников справиться с существующими кризисами заключается в применении «старых», отработавших инструментов и техник для поиска ответов на качественно новые вызовы. Такая ситуация объясняется логикой исторического институционализма – сформированная структура взаимоотношений институтов между собой, а также наднационального и национального уровней объясняет поведение ЕС и его реакцию на внешние вызовы. Иными словами, сделанный ранее институциональный выбор установил границы для поведения национальных государств, сформировал условия для межправительственного взаимодействия. Так возникает зависимость от выработанной ранее парадигмы (path dependence) [20, с. 253], которая, с одной стороны, гарантирует устойчивость институциональной структуры, но в то же время препятствует её потенциальным реформам.

Опираясь на метод анализа и прогнозирования, а также историко-системный метод, авторы установили, что логика, позволяющая решать трудности интегра-

ции 10 лет назад, оказывается негодной для ситуации сегодняшнего дня. Поэтому существенное изменение внешнего контекста, произошедшее за последние годы, является как проблемой, так и возможностью для Евросоюза переосмыслить собственное значение и роль институтов.

Это во многом и касается возникшего кризиса во взаимоотношениях с Россией – неспособность иначе взглянуть на партнёра, изменившего свою внешнеполитическую стратегию, приводит к глубинному недопониманию и, соответственно, невозможности отыскать общее решение.

В итоге ответом на исследуемую проблему является необходимость поиска «новой Европы» – обновления институциональной структуры Евросоюза и его идейной составляющей. А для того чтобы понимать, каким должно быть содержание нового концепта, необходимо проанализировать причины формирования ЕС и динамику его развития.

Драйверы интеграции

Проект европейской интеграции в своём развитии прошёл несколько этапов – от группы стран, объединивших отраслевые секторы, [15, с. 350] до уникального политического образования, сумевшего унифицировать многие политики национальных государств.

Становлению интеграции в 1950-е гг. способствовал ряд факторов – необходимость установления долгосрочного мира как залога для послевоенного восстановления социально-экономической жизни в европейских странах, необходимость работать совместно, чтобы предложить гражданам привлекательную альтернативу марксизму, а также стремление заново определить свою роль в условиях возвышения двух полюсов и центров силы в мировой политике. В итоге предложенные в Декларации [21] основы европейского строительства были имплементированы в функционировании непосредственно первых институтов – Европейского объединения угля и стали (ЕУОС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергетике (Евратом).

Постепенное «расползание» интеграции [10, с. 320-340], задуманное Ж. Монне, когда расширение сотрудничества акторов в одной области неизбежно влечёт за собой кооперацию в других, в результате привело к формированию общей сельскохозяйственной политики, таможенного союза, выработке единой позиции к вопросу торговых соглашений с третьими странами (Яундская и Ломейская конвенции), введению «валютной змеи» и появлению первых планов создания валютного союза (план Вернера).

При этом зачастую новое качественное изменение в развитии проекта являлось ответом на тот или иной политический кризис либо влияние внешнего фактора. Так, отказ Франции присутствовать на заседаниях Совета в 1965 г. привёл к принятию «Люксембургского компромисса» - введению права вето для

участниц в случае особо важных вопросов; распад Бреттон-Вудской системы подтолкнул к формированию собственной валютной системы; «нефтяной шок» 1973-1974 гг. заставил государства-члены не только заняться в срочном порядке перестройкой экономики, но и усилить координацию на более высоком уровне, что привело к возникновению Европейского совета, постоянного собрания глав государств, и специального инструмента – Европейского политического сотрудничества (ЕПС), в рамках которого регулярно встречались национальные министры иностранных дел.

Распад СССР как фактор, в своё время крепко сплативший страны европейского проекта, привёл к ещё большей динамике интеграции – не только вглубь (принятие Маастрихтского договора и появлению непосредственно Европейского союза), но и существенному расползанию вширь (большое расширение 2004 – 2007 гг.). Наконец, особый характер отношений ЕС и России, роль постсоветского пространства для обоих акторов, а также «пятидневная война» 2008 г. заставили Евросоюз задуматься о выработке собственной политики в отношении «восточных соседей» – Европейской политики соседства.

Таким образом, политические вызовы требовали и соответствующих, чётко выстроенных стратегических решений. Было бы ошибочно говорить о том, что у европейской интеграции были лишь экономические цели [7, с. 12], хотя этот аргумент часто приводится критиками Евразийского экономического союза, утверждающими, что он, якобы, в отличие от ЕС, является политическим проектом.

И в том, и в другом случае мы имеем дело именно с политикой и геополитическими задачами. Страны-участницы инвестируют в свою безопасность и мир в регионе [13, с. 461]. Однако решается эта задача при помощи не военных, а экономических инструментов: открытия рынков, постепенного устранения нетарифных барьеров и создания единых условий ведения бизнеса. Повышение благосостояния граждан важно в этом контексте не само по себе, а как способ укрепления стабильности политических систем. Но интеграция должна вести к равномерному и справедливому перераспределению благ и обязанностей.

К началу нового века основные задачи европейской интеграцией были, в целом, решены. Десять лет назад, когда отмечалось 50-летие запуска проекта, встречи глав государств и правительств Евросоюза были саммитами победителей. К 2007 г. был завершён процесс строительства Общего рынка, введён в наличное обращение евро, Шенгенские соглашения сделали прозрачными границы внутри союза. Тогда же свершившимся фактом стало самое масштабное расширение союза на 12 государств Восточной Европы и Средиземноморья. Более того, актуальным стал вопрос о следующем шаге – созданию действительно общей экономической политики.

Однако к своему 60-му юбилею европейская интеграция пришла явно не в лучшей форме. Последние годы многие наблюдатели, включая и автора этих строк, испытывали скуку и даже раздражение при необходимости обращать

внимание на Европу. Европейский союз становился всё более сложным партнёром [8], капризным, ограниченным в маневре и обращённым внутрь себя. Как будто чувствующим что с ним очень не ладно, но боящимся в этом себе признаться. Сейчас ситуация начинает меняться. Негативные явления, накопленные годами, стали переходить в новое качество. Политические процессы, происходящие в ЕС, вызывают уже опасения в том, сохранится ли интеграционный проект в принципе.

Предпосылки трансформации

Современная Европа совершенно очевидно сталкивается с кризисом политического, экономического и идейно-интеллектуального характера. Первые его признаки проявились в 2005 г. Тогда фиаско закончилась единственная попытка прорыва к федералистскому будущему – принятие Конституции для Европы. Подготовка этого документа происходила в рамках небывалой по степени демократичности процедуры – широкого европейского Конвента, в котором были представлены не только правительства, но и парламенты, отдельные регионы и общественные движения. В результате отдельные интересы правительств были учтены в недостаточной мере. Президент Франции Жак Ширак инициировал референдум по вопросу ратификации Конституции для Европы. Результатом этого голосования, как и в Нидерландах, стал отказ от введения документа в силу [6].

Это, собственно, было ожидаемо. Европейская интеграция всегда была элитным проектом, и вынесение её важнейших вопросов на всенародное голосование всегда приводило к результату «против». В 2005–2008 гг. последовал новый мучительный процесс уже закрытых межправительственных переговоров. Результатом стал совершенно новый продукт – Лиссабонский договор о внесении изменений в договор о Европейском союзе. Собственно уже на примере истории с Конституцией стало ясно, что о федералистском будущем Европы можно забыть.

Однако уже сразу после вступления нового договора в силу неприятности посыпались на ЕС буквально лавинообразно. Начались тяжелейшие экономические потрясения и замедление роста в отдельных странах союза. Затем последовал кризис зоны евро. Продолжается относительное падение жизни во многих государствах ЕС [29, с. 325]. 2015 г. принёс ожидаемые последствия т.н. «арабской весны», которую в 2011 г. лидеры стран ЕС недальновидно приветствовали. В Европу хлынули потоки беженцев и мигрантов. Начался продолжающийся по сию пору кризис солидарности – демонстративный отказ целой группы стран-членов принимать на себя часть ответственности за решения проблем всего сообщества. Максимум чего смогли добиться лидеры стран ЕС в ходе своей последней встречи – это активизировать создание общей пограничной и береговой стражи.

Новым ударом стал референдум в Великобритании [9, с. 9-11] и решение носительного большинства (при высокой явке) ее жителей выйти из Евросоюза. Такого в истории ЕС ещё не было и этого никто не мог себе представить. Напротив – вся политическая философия единой Европы была построена вокруг тезиса о том, что в ЕС можно только стремиться. И эта философия постоянно подкреплялась очередью желающих, с которыми Брюссель вёл неторопливые и строгие переговоры.

Сейчас ситуация грозит серьёзно измениться и мы не можем быть уверены, что за Великобританией не последует кто-нибудь ещё. Хотя, конечно, положение Соединённого Королевства всегда было достаточно уникальным. И плотно сидящие на игле дотаций из бюджета ЕС нарушители спокойствия в лице Польши или Венгрии вряд ли станут ради политических целей жертвовать таким источником денег. Но это не снимает саму по себе проблему выгоды или невыгоды участия в союзе. Пока европейскую интеграцию цементирует Германия – наиболее сильная экономика Европы и главный бенефициар Общего рынка. Но для тех же Франции, Италии или Испании всё уже гораздо менее очевидно.

Особый интерес вызывает то, что возможное осыпание ЕС не станет препятствием для формирования более углублённых и продвинутых форм экономической интеграции на более широком пространстве северной Атлантики. А другими словами, постепенном «всасывании» европейской экономики в американскую. Хотя этому пока и всячески противодействуют сами США, также потерявшие во многом чувство реальности. При этом, близкое по содержанию соглашение ЕС уже заключил с Канадой, которую связывает с США Северо-американская зона свободной торговли (НАФТА).

ТТИП подразумевает создание зоны свободной торговли между США и ЕС, впервые инициатива была озвучена европейскими властями в 2013 г. По подсчётам экспертов, формирование подобного торгового режима объединит почти половину мирового ВВП и 2/3 международных инвестиций [5, с. 15].

Несмотря на цели снизить количество барьеров в двусторонней торговле товарами и услугами, а также обеспечить правовую защиту прав инвесторов, США и ЕС пока не имеют чёткого представления, как соглашение может быть реализовано – с лета 2015 г. переговоры зашли в тупик. Большое сопротивление ТТИП встретило в странах самого Евросоюза, особенно среди европейских фермеров, представителей национальных аграрных лобби и ряда других компаний. Основные «страхи» касаются положений о защите географических указаний для с/х продукции, санитарных и фитосанитарных мер, возможности снижения стандартов в области продовольственной безопасности и защиты окружающей среды, роста безработицы, снижения зарплаты, а также приватизации сферы социальных услуг крупным бизнесом и урегулирования вопроса доступа к госзакупкам. В то время как США пытаются убедить ЕС сократить список видов услуг, доступ к которым запрещён для иностранных компаний (связь, образова-

ние, транспорт и финансы), сами американские власти не согласны «впускать» европейцев на рынок железных дорог и городского транспортного движения, к контрактам в сфере авиационной безопасности и к закупкам Федерального управления гражданской авиации.

Тем не менее, в случае успеха, устранение административных, нетарифных барьеров и либерализация торгового законодательства, ЕС предсказывают дополнительный рост реального ВВП на душу населения на уровне почти 5% в течение последующих 10 лет [15, с. 13].

На этом фоне большим прорывом стало недавнее подписание соглашения о свободной торговле (СЕТА) между Канадой и ЕС. После ратификации договора парламентами Канады и всех 28-ми стран Евросоюза ожидается отмена практических 99% таможенных пошлин [26, с. 47-49], что увеличит двусторонний товарооборот на 12 млрд евро в год. Однако опасность соглашения заключается в том, что СЕТА защищает права всех корпораций, функционирующих на территории Канады вне зависимости от расположения их головного офиса. В итоге стороной договора могут оказаться уже не только канадские, но и американские мегакорпорации.

Таким образом, с точки зрения экономических выгод оба торгово-инвестиционных режима (ТТП и СЕТА) предоставляют ЕС большое количество возможностей, хотя до конца сложно оценить имеющиеся риски. В принципе ничего смертельно опасного для европейской интеграции в сближении с США нет.

Однако важно другое. В случае с той европейской интеграцией, которую мы знали, в центре внимания находились институты – независимые посредники, получающие от государств часть суверенитета [17, с. 38]. Помимо координации взаимодействия стран-членов институты играли особую политическую роль. Та интеграционная модель, которая заложена в концепции «транс-партнёрств», активной роли институтов не требует. В первую очередь, потому что ведущая держава – США – даже теоретически не может представить делегирование своего суверенитета. Если Европа живёт в пост-современном мире, то её важнейший партнёр в экономике и вопросах безопасности остаётся в эпохе модерна.

Неопределённой может стать и судьба главных носителей интеграционной динамики – пресловутой и ругаемой многими европейской бюрократии. Споры нет, именно брюссельские чиновники были и продолжают быть самыми последовательными сторонниками создания трансатлантического партнёрства. Однако если оно станет реальностью, многие их функции окажутся явно избыточными. Новые правила игры будут требовать эффективных и независимых судов [14], а не тысяч чиновников. Таким образом, будет размываться когорта наиболее заинтересованной в углублении интеграции элиты.

Не идёт на пользу и то, что отдельные вероятные направления сотрудничества приобрели в последнее время просто анекдотический характер. Уже более четверти века разговоры о необходимости создания евроармии повто-

ряются в ЕС с регулярностью выставок именитых художников в Москве или Нью-Йорке. И примерно с тем же эффектом отвлечения общественного мнения и газет от реальных проблем. Особенно пикантно новая порция дискуссий о создании вооружённых сил ЕС звучит в контексте выхода Британии – самой вооружённой страны Старого света.

Несмотря на колоссальную внутреннюю инерцию, накопленную за несколько десятилетий, европейский проект может начать деградировать. Основная причина, видимо, в следующем. Результаты, достигнутые к началу этого века, требовали перехода интеграции на новый этап. То же самое стало необходимым для того, чтобы эффективно ответить на вызов кризиса зоны евро на рубеже десятилетий. В определённом смысле это означало централизацию экономического управления в одних руках. Под диктатом Германии были созданы достаточно эффективные регуляторы. Те страны ЕС, которые не были готовы исполнять свои обязательства, оказались перед выбором – повиноваться или уходить. Задача стабилизации и спасения единой валюты была решена достаточно жёстко.

Аналогично попробовали сначала решить и проблему приёма и размещения сотен тысяч беженцев в 2015–2016 гг. Странам союза предложили распределить нагрузку более-менее равномерно и в соответствии [25, с.8] с объективно оцениваемыми возможностями. Другими словами, и в первом и во втором случае Евросоюз начинал функционировать как единое государство, в котором материальные блага распространяются сверху, а количество обязательств, которые должны нести страны, возросло многократно.

Таким образом, упомянутые выше кризисные явления стали индикатором того, что заложенные ЕС механизмы не пригодны в полной мере для поиска решения сегодняшних проблем. «Вязкость» институтов, формирование многоступенчатого процесса управления и принятия решений, его бюрократизация приводят к появлению вынужденных препятствий для оперативного реагирования Евросоюза.

Решение проблемы заключается в необходимости обновления существующего политического, экономического и идейно-интеллектуального концепта европейской интеграции.

В поисках «новой Европы»

Возможно, европейские элиты и их представители во власти слишком много инвестировали в проект Европейского союза как такового. При этом в наиболее, пожалуй, скучном его прочтении – бюрократического катка, который, действуя медленно, но верно должен постепенно выровнять национальные различия. Институты нужны, но они не должны полностью заменять собой живую политическую жизнь. Европе нужно радикально демократизировать процесс принятия важных решений [31]. Одновременно должны будут обновиться политические элиты, прийти новое поколение лидеров. Эти лидеры не будут стра-

дать от самоуспокоенности или беспомощности, свойственных современной генерации.

Сформированная система управления и установленный процесс выработки решений приводит к снижению степени готовности ЕС как совокупности институтов быстро приспосабливаться к изменяющейся среде, поскольку материальные и институциональные издержки по изменению такой структуры оказываются достаточно высокими. Эта структура устанавливает границы для поведения национальных государств, формирует условия для межправительственного взаимодействия. Отсюда зависимость от выработанной ранее парадигмы (*path dependence*) [20, с. 251-254], которая, с одной стороны, гарантирует устойчивость институциональной структуры, а с другой – препятствует её потенциальным реформам.

На практике рост внутренних и внешних кризисов приводит к закрытости стран-членов и их сосредоточении на внутренних проблемах (Брекзит), снижению уровня поддержки и веры в способность инструментов ЕС справиться с существующими проблемами, поскольку ещё старая модель реагирования перестаёт быть эффективной. Поэтому необходима большая институциональная интеграция ЕС, перенос межправительственного сотрудничества на уровень институтов, обновление процедуры выработки и принятия решений с меньшим количеством временных и иных затрат, более оперативное реагирование на имеющиеся вызовы, преодоление концептуальной и идеологической консервации проекта европейской интеграции, его большая открытость как нормативной силы к сотрудничеству с другими игроками (ЕАЭС и отдельно Россией).

В то же время необходимо преодоление кризиса солидарности в развитии ЕС. Отсутствие сильных лидеров на уровне институтов ЕС и инертность национальных лидеров стран-членов приводят к возвышению Германии [2] не только как крупной экономической, но теперь и политической силы. А это, в свою очередь, не может не беспокоить других участников Евросоюза, особенно, когда немецкие политики пытаются предложить решение общеевропейских проблем с учётом лишь собственных политических, экономических возможностей и особенностей (политика «открытых дверей» для прибывших беженцев Ближнего Востока).

С сожалением приходится наблюдать, что одним из факторов «реставрации» принципа солидарности является внешняя угроза в лице России [25, с. 14-15] и её внешней политики. Такой подход лишает Европу долгосрочного видения и стратегии решения собственных проблем, поскольку мобилизация сил европейских государств на основе антироссийской риторики даёт эффект лишь в краткосрочной перспективе.

Обозначившийся кризис Еврозоны требует, в свою очередь, большего сближения стран-участниц в сфере конкурентоспособности, согласования их экономических политик. Экономика была и остаётся одним из преимуществ евро-

пейского проекта, а также силой, которую ЕС проецировал в международных отношениях. Отсюда экономические неудачи приводят не только к снижению степени поддержки граждан, которым ЕС обещает повышение благосостояния и постоянный рост ВВП, но и к снижению возможностей и ресурсов действовать как актор мировой политики.

Наконец, разрешение идейного кризиса ЕС влечёт за собой формирование нового мышления – большей открытости и использования собственной нормативной силы как фактора, продвигающего интеграцию внутри и кооперацию с третьими странами, но не создающего препятствия и ограничения. Применяемый подход, при котором нормы и обязательства выполнялись лишь в том объёме, который выгоден и возможен для Европейского союза, ставит под вопрос авторитет ЕС как ценностной и нормативной силы. А это в свою очередь способствует развитию кризиса легитимности европейского проекта, проявляющегося в росте евроскептических настроений, снижающейся явке на выборах в Европарламент (20% на уровне стран-членов), приходу к власти крайне правых сил (Греция, Австрия, Польша). Такая ситуация свидетельствует о риске появления всё большего количества несогласных с официальной политикой Брюсселя стран-членов, особенно после «живого примера» с Брекзит. Метод гибкой интеграции и мягкого сотрудничества может служить решением проблемы, однако ставится под вопрос его возможность обеспечивать дальнейшее развитие интеграции.

ЕС необходима большая консолидация его стран-членов в условиях роста внешних угроз, и ответственность на себя за объединение участников интеграции должны взять именно институты Евросоюза, наделённые для этого особыми полномочиями. Никто не заинтересован в прекращении уникального европейского эксперимента. Он должен развиваться и подавать пример другим регионам. Нам всем нужно больше Европы – источника новых идей и вечных ценностей. Но это не означает, что гражданам европейских государств и друзьям Европы вовне нужно больше того Евросоюза, который мы знали последние пару десятилетий.

Безусловно, колоссальная институциональная инерция и устойчивость, накопленная ЕС за период, в основном, после подписания Единого европейского акта, не позволяет сколько-нибудь серьёзно говорить о вероятности формального даже не распада, а «осыпания» европейской интеграции. Этому вопросу уже посвящён целый ряд выдающихся работ исследователей из Европы, России и других стран [23, с. 4; 12, с. 7]. Однако не меньше уверенности и в том, что в ближайшие годы Европейский союз будет проходить через период глубокой внутренней трансформации. Внимательное исследовательское отношение к содержанию этой трансформации поможет всем соседям Европы лучше адаптироваться к её образу в будущем и выработать политику, которая внесёт вклад в расширение пространства безопасности, стабильности и роста.

Список литературы

1. Alter K., Steinberg D. The Theory and Reality of the European Coal and Steel Community // Working Paper No. 07-001. Buffet Center for International and Comparative Studies, 2007. Pp. 1-18.
2. Bordachev T. Russia and the European Union: Three Questions concerning New Principles in Bilateral Relation // Valdai Discussion Club Report, 2016. P. 18.
3. Brickerton C. Towards a Social Theory of EU Foreign and Security Policy // Journal of Common Market Studies. Vol. 49. No. 1. Pp. 171-190.
4. Esteve-Gonzalez P., Theilen B. European Integration: Partisan Motives or Economic Benefits? // LSE Europe in Question Discussion Paper. 2014. No. 7. 40 p.
5. Haas E. The uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950-1957. Stanford: Stanford University Press. 640 p.
6. Habermas J. The Crisis of the European Union: A Response. Malden, MA, Polity Press Publ., 2012. 120 p.
7. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? // Journal of Common Market Studies. No. 48. Issue 3. 2010. Pp. 455 – 474.
8. Joseph F. et al.: Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: An Economic Assessment, CEPR Final Project Report on behalf of the European Commission. London: Centre for Economic Policy Research, 2013. 124 p.
9. Hamilton D., Blockmans S. The Geostrategic Implications of TTIP. Paper No. 5. Centre for European Policy Studies, 2015. 360 p.
10. Kaveshnikov N. Four Scenarios for European Integration. RIAC, 2016. 10 p.
11. Miller V., Lunn J. The European Union: a democratic institution? House of Commons Briefing papers. Research Paper. 2014. No. 25. Pp. 36-49.
12. Moravcsik A. The European Constitutional Compromise and the Neofunctionalist Legacy // Journal of European Public Policy. 2005. No. 12. Pp. 349-389.
13. Nygren B. The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Toward the CIS Countries. Abingdon, UK: Routledge. 2017. 315 p.
14. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics // The American Political Science Review. 2000. Vol. 94. No. 2. Pp. 251-267.
15. Pollack M. The new institutionalism and European integration // European Integration Theories. 2nd ed. / ed. by W. Antje and T. Diez. Oxford: Oxford University Press, 2008. Pp. 137-156.
16. Pollack M. Theoretical and comparative insights into EU policy-making // Policy-Making in the European Union / ed. by H. Wallace, W. Wallace, M. Pollack. New York: Oxford University Press, 2011. 380 p.
17. Romanova T. The EU's crises and its future // Valdai Paper. No. 54. Valdai International Discussion Club. 2016. 16 p.
18. Romanova T. Russia and Europe: Somewhat Different, Somewhat the Same? RIAC, 2016. 12 p.
19. Rumer E. Russia and the Security of Europe. Carnegie Endowment for International Peace, 2016. 35 p.
20. Stoll P., Douma W., Sadeleer N. CETA, TTIP and the EU precautionary principle. Legal analysis of selected parts of the draft CETA agreement and the EU TTIP proposals. Foodwatch, 2016. 52 p.
21. Trapero B. The Economic Crisis and its Effects on the quality of life in the European Union // Social Indicators Research. 2005. Vol. 120. Is. 1. Pp. 323 – 343.
22. Bordachev T. Russia and the Berlin-Washington Order in Europe // Valdai International Discussion Club. 2016. URL: <http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-the-berlin-washington-order-in-europe> (дата обращения: 18.11.2016).
23. Dempsey J. The Huge Geopolitical Implications of TTIP // Carnegie Europe, 03.10.2015. . URL: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=61507> (дата обращения: 18.11.2016).
24. Dutch say «devastating no» to EU constitution // The Guardian, 02.06.2005. URL: <https://www.theguardian.com/world/2005/jun/02/eu.politics> (дата обращения: 18.11.2016).
25. Grabbe H., Lehne S. How to Build a More Flexible EU after Brexit // Carnegie Europe, 08.09.2016. URL: <http://carnegieeurope.eu/2016/09/08/how-to-build-more-flexible-eu-after-brex-it-pub-64507> (дата обращения: 18.11.2016).
26. Gupta M. After the Brexit: Three New Challenges Facing European Security Leader // Security Intelligence, 07.07.2016. . URL: <https://securityintelligence.com/after-the-brex-it-three-new-challenges-facing-european-security-leaders> (дата обращения: 18.11.2016).
27. Hix S. The policy successes (and failures) of British MEPs // LSE EUROPP blog, 22.01.2016. URL: <http://blogs.lse.ac.uk/brexit/2016/01/22/the-policy-successes-and-failures-of-uk-members-of-the-european-parliament/> (дата обращения: 18.11.2016).
28. Investment Court System put to the test. New EU proposal will perpetuate investors' attacks on health and environment. Canadian Centre for Policy

- Alternatives, Corporate Europe Observatory, Friend of the Earth Europe Paper. April 2016. URL: https://www.tni.org/files/publication-downloads/investment_court_system_put_to_the_test.pdf (дата обращения: 18.11.2016).
29. Schuman Declaration, 9 May 1950. URL: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en (дата обращения: 18.11.2016).
30. Techau J. Four Predictions on the Future of Europe // Carnegie Europe, 12.01.2016. URL: <http://carnegieurope.eu/strategieurope/?fa=62445> (дата обращения: 18.11.2016).
31. Traynor I. Germany to push for compulsory EU quotas to tackle refugee crisis // The Guardian. 23.10.2015. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/23/refugee-crisis-germany-push-compulsory-eu-quotas> (дата обращения: 18.11.2016).
32. Zeeb B, Schade D. It is All or Nothing: How to Make the EU more Democratic, Transparent and Efficient // Heinrich Boll Stiftung EU, 25.09.2015. URL: <https://eu.boell.org/en/2015/09/25/its-all-or-nothing-how-make-eu-more-democratic-transparent-and-efficient> (дата обращения: 18.11.2016).

Об авторах:

Тимофей Вячеславович Бордачев – к.полит.н., директор Центра комплексных европейских и международных исследований; доцент Департамента международных отношений, Факультет мировой экономики и мировой политики Национального исследовательского университета. «Высшая школа экономики». (НИУ ВШЭ); Россия, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: tbordachev@hse.ru.

Анастасия Валерьевна Казакова – научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ; студентка магистерской программы «Международные отношения: европейские исследования», Факультет мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ; Россия, 101000 Москва, ул. Мясницкая, 20. E-mail: akazakova@hse.ru.

Статья подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

EUROPE AND RUSSIA'S NATIONAL INTERESTS

T.V. Bordachev, A.V. Kazakova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-1-52-21-35

National Research University Higher School of Economics

The article analyzes the prospects of institutional innovation in the European international process. European Union (EU) is going through several crises of political, economic, ideological and intellectual nature. It makes many scholars and researchers as well as policymakers and ordinary people to think about redefining the concept of the «Common European home» for not only European states, but also in a broader sense meaning the post-Soviet space.

The authors present an assessment of weak and strong sides of the existing European integrational institutional architecture by using methods of systemic and probabilistic analysis as well as multi-level approach. It inevitably leads to the question about the relationship between the institutions as independent agents and nation states, and the role of intergovernmental cooperation in solving the current EU's problems.

This EU crisis creates opportunities as well as, challenges for Russia which has no possibility to simply fence off from Europe institutionally or ideologically. Europe was, is and will be a

part of the Russian national interests – either as a threat or as a factor which contributes to its development and prosperity.

Therefore, the authors wonder how the updated concept of European integration can look and, respectively, which impact all these changes can have on Russian foreign policy. Using the historic institutionalism the authors make the conclusion about the existing institutional lock-ins and path-dependent behavior of the EU that does not allow to adapt to the rapidly changing environment. To solve the existing crisis EU needs upgrade the political, economic and intellectual concept of the integration process.

Key words: EU, EU-Russia relation, Brexit, European integration.

References

1. Alter K., Steinberg D. The Theory and Reality of the European Coal and Steel Community. *Working Paper No. 07-001*. Buffet Center for International and Comparative Studies, 2007. Pp. 1-18.
2. Bordachev T. Russia and the European Union: Three Questions concerning New Principles in Bilateral Relation. *Valdai Discussion Club Report*, 2016. P.18.
3. Brickerton C. Towards a Social Theory of EU Foreign and Security Policy. *Journal of Common Market Studies*, vol. 49, no. 1, pp. 171–190.
4. Esteve-Gonzalez P., Theilen B. European Integration: Partisan Motives or Economic Benefits? *LSE Europe in Question Discussion Paper*, 2014, no. 7. 40 p.
5. Haas E. *The uniting of Europe. Political, Social and Economic Forces, 1950-1957*. Stanford, Stanford University Press Publ. 640 p.
6. Habermas J. *The Crisis of the European Union: A Response*. Malden, MA, Polity Press Publ., 2012. 120 p.
7. Howorth J. The EU as a Global Actor: Grand Strategy for a Global Grand Bargain? *Journal of Common Market Studies*, 2010, no. 48, iss. 3, pp. 455 –474.
8. Francois J., Manchin M., Norberg H., Pindyuk O., Tomberger P. *Reducing Transatlantic Barriers to Trade and Investment: An Economic Assessment, CEPR Final Project Report on behalf of the European Commission*. London, Centre for Economic Policy Research, 2013. 124 p.
9. Hamilton D., Blockmans S. *The Geostategic Implications of TTIP*. Paper No. 5. Centre for European Policy Studies, 2015. 360 p.
10. Kaveshnikov N. *Four Scenarios for European Integration*. RIAC, 2016. 10 p.
11. Miller V., Lunn J. The European Union: a democratic institution? House of Commons Briefing papers. Research Paper. Research Paper, 2014, no. 25, pp. 36–49.
12. Moravcsik A. The European Constitutional Compromise and the Neofunctionalist Legacy. *Journal of European Public Policy*, 2005, no. 12, pp. 349–389.
13. Nygren B. *The Rebuilding of Greater Russia: Putin's Foreign Policy Toward the CIS Countries*. Abingdon, UK, Routledge Publ., 2017. 315 p.
14. Pierson P. Increasing Returns, Path Dependence, and the Study of Politics. *The American Political Science Review*, 2000, vol. 94, no. 2, pp. 251–267.
15. Pollack M. The new institutionalism and European integration. *European Integration Theories*. 2nd ed. Ed. by W. Antje and T. Diez. Oxford, Oxford University Press Publ., 2008. Pp. 137–156.
16. Pollack M. Theoretical and comparative insights into EU policy-making. *Policy-Making in the European Union*, ed. by H. Wallace, W. Wallace, M. Pollack. New York, Oxford University Press Publ., 2011. 380 p.
17. Romanova T. The EU's crises and its future. *Valdai Paper*, no. 54. Valdai International Discussion Club, 2016. 16 p.
18. Romanova T. *Russia and Europe: Somewhat Different, Somewhat the Same?* RIAC, 2016. 12 p.
19. Rumer E. *Russia and the Security of Europe*. Carnegie Endowment for International Peace, 2016. 35 p.
20. Stoll P., Douma W., Sadeleer N. *CETA, TTIP and the EU precautionary principle. Legal analysis of selected parts of the draft CETA agreement and the EU TTIP pro-*

- posals*. Foodwatch, 2016. 52 p.
21. Trapero B., The Economic Crisis and its Effects on the quality of life in the European Union. *Social Indicators Research*, 2005, vol. 120, iss. 1, pp. 323–343.
 22. Bordachev T. Russia and the Berlin-Washington Order in Europe. *Valdai International Discussion Club*. 2016. Available at: <http://valdaiclub.com/a/highlights/russia-and-the-berlin-washington-order-in-europe> (Accessed: 18.11.2016).
 23. Dempsey J, The Huge Geopolitical Implications of TTIP. *Carnegie Europe*, 03.10.2015. Available at: <http://carnegieeurope.eu/publications/?fa=61507> (Accessed: 18.11.2016).
 24. Dutch say «devastating no» to EU constitution. *The Guardian*, 02.06.2005. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2005/jun/02/eu.politics> (Accessed: 18.11.2016).
 25. Grabbe H., Lehne S. How to Build a More Flexible EU after Brexit. *Carnegie Europe*. 08.09.2016. Available at: <http://carnegieeurope.eu/2016/09/08/how-to-build-more-flexible-eu-after-brexitepub-64507> (Accessed: 18.11.2016).
 26. Gupta M. After the Brexit: Three New Challenges Facing European Security Leader. *Security Intelligence*, 2016. Available at: <https://securityintelligence.com/after-the-brexite-three-new-challenges-facing-european-security-leaders> (Accessed: 18.11.2016).
 27. Hix S. The policy successes (and failures) of British MEPs. *LSE EUROPP blog*, 22.01.2016. Available at: <http://blogs.lse.ac.uk/brexit/2016/01/22/the-policy-successes-and-failures-of-uk-members-of-the-european-parliament/> (дата обращения: 18.11.2016).
 28. *Investment Court System put to the test. New EU proposal will perpetuate investors' attacks on health and environment*. Canadian Centre for Policy Alternatives, Corporate Europe Observatory Friend of the Earth Europe. Paper. 2016. Available at: https://www.tni.org/files/publication-downloads/investment_court_system_put_to_the_test.pdf (Accessed: 18.11.2016).
 29. *Schuman Declaration*, 9 May 1950. Available at: https://europa.eu/european-union/about-eu/symbols/europe-day/schuman-declaration_en (Accessed: 18.11.2016).
 30. Techau J. Four Predictions on the Future of Europe. *Carnegie Europe*, 12.01.2016. Available at: <http://carnegieeurope.eu/strategieurope/?fa=62445> (Accessed: 18.11.2016).
 31. Traynor I. Germany to push for compulsory EU quotas to tackle refugee crisis. *The Guardian*, 23.10.2015. Available at: <https://www.theguardian.com/world/2015/oct/23/refugee-crisis-germany-push-compulsory-eu-quotas> (Accessed: 18.11.2016).
 32. Zeeb B, Schade D. It is All or Nothing: How to Make the EU more Democratic, Transparent and Efficient. *Heinrich Boll Stiftung EU*, 25.09.2015. Available at: <https://eu.boell.org/en/2015/09/25/its-all-or-nothing-how-make-eu-more-democratic-transparent-and-efficient> (Accessed: 18.11.2016).

About the authors:

Bordachev Timofei – PhD in Political Science, Director of the Center for comprehensive European and International Studies, the National Research University Higher School of Economics. Russian Federation 101000 Moscow, Myasnitskaya st. 20. E-mail: tbordachev@hse.ru.

Kazakova Anastasiia – Research Fellow of the Center for Comprehensive European and International Studies, the National Research University Higher School of Economics. Russian Federation 101000 Moscow, Myasnitskaya st. 20. E-mail: akazakova@hse.ru.

This article is an output of a research project in the Basic Research Programme at the National Research University Higher School of Economics.